

На правах рукописи

Московская Александра Сергеевна

ПОНЯТИЕ «БАНАЛЬНОСТЬ ЗЛА» В ЭТИКЕ ХАННЫ АРЕНДТ

Специальность: 09.00.05 - этика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва – 2015

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» на кафедре этики философского факультета.

Научный руководитель: **Апресян Рубен Грантович,**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Кашников Борис Николаевич,**
доктор философских наук, доцент,
ФГАОУ ВПО «Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (профессор школы
философии факультета гуманитарных наук)

Котусов Дмитрий Вячеславович,
кандидат философских наук,
ФГБОУ ВО «Российский государственный
аграрный университет – МСХА им.
К.А.Тимирязева» (доцент кафедры
политологии гуманитарно-педагогического
факультета)

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Московский
государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана»**

Защита состоится «22» декабря 2015 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 501.001.09 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 («Шуваловский»), философский факультет, ауд. А-518.

С диссертацией можно ознакомиться:

- в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8-й этаж, комн. 812 (отдел диссертаций Фундаментальной библиотеки).
- на официальном сайте диссертационных советов МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: http://istina.msu.ru/dissertation_councils/councils/718886/.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Скворцов Алексей Алексеевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Ханне Арентд принадлежит заметное место в моральной философии второй половины XX века. Известная в первую очередь как политический философ, автор значительных исследований о тоталитаризме, насилии, революции, Арентд внесла свой вклад в современную моральную философию открытием феномена банальности зла, введением самого этого понятия и переосмысления в его свете проблемы зла как такового. Впервые это понятие появилось в книге «Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil» («Эйхман в Иерусалиме: Доклад о банальности зла», 1963), вышедшей вскоре после окончания судебного процесса над нацистским преступником Адольфом Эйхманом. Арентд присутствовала на процессе Эйхмана в Иерусалиме в 1961 г. в качестве иностранного корреспондента, представляя журнал «Нью-Йоркер», в котором впоследствии была опубликована серия ее репортажей, ставших основой будущей книги. Книга «Эйхман в Иерусалиме» вызвала крайне противоречивую реакцию публики, в особенности еврейских кругов и в самом Израиле. Желание Арентд понять Эйхмана воспринималась как попытка его оправдать, как проявление забвения жертв Холокоста (примечательно, что в Израиле книга была издана только недавно).

Между тем, участие в процессе и мучительные размышления по его поводу оказали мощное влияние на все дальнейшее творчество Арентд. Непосредственное наблюдение за процессом, анализ показаний Эйхмана, попытка понять его личность и разобраться в том, как стало возможно злодеяние Холокоста, привело Арентд к осознанию того факта, что одна из величайших в истории человечества трагедий произошла усилиями ничтожных личностей, бездумно выполнявших свои рутинные служебные обязанности. Феноменологический анализ феномена банальности зла, который Арентд предприняла в последующих работах (а размышления на эту тему уже не оставляли ее на протяжении всей жизни), дал ей основания по-

новому оценить роль мышления в морали, в частности, мыслительные, дискурсивные предпосылки моральной ответственности, без которых последняя просто невозможна. Анализ случая Эйхмана стал началом проработки фундаментальных этических вопросов (мышления, поступка, ответственности, моральной вменяемости). Заслуга поворота моральной философии к этим вопросам принадлежит Арендт.

Банальность зла соотнесена Арендт с радикальным злом – феноменом, который был в фокусе ее исследовательского внимания в книге «Истоки тоталитаризма» (1951). Постановка вопроса о банальности зла дала возможность Арендт уточнить ее анализ радикального зла и дополнить картину нравственно-политического состояния тоталитаризма как типа государственного управления и общественного порядка, а также показать на основе этого, разрушительное воздействие тоталитаризма как на общество, так и на личность. Радикальность зла тоталитаризма заключена в том, что он деперсонализирует личность, сводит личность на «нет». Последнее, в свою очередь, и порождает феномен банальности зла, т.е. зла, бездумно творимого деперсонализированными личностями – «винтиками» тоталитарной системы.

Эти существенные вопросы, анализируемые Арендт, а также ряд других, с ними связанных, стали предметом данного диссертационного исследования. Следует отметить, что при всей популярности фигуры Арендт ее философские труды и философская мысль не изучены во всей полноте. Арендт интересует исследователей прежде всего, как политический философ, и даже проблема банальности зла изучается прежде всего в контексте политической теории. Моральная философия Арендт не стала еще предметом целостного анализа, к тому же в широком контексте моральной философии XX века, в соотнесении с богатейшим наследием истории этики. Особенно это касается отечественной литературы, где не найти ни одной специальной работы, посвященной рассмотрению понятия «банальность зла».

Таким образом, актуальность исследования определяется потребностью в специальном осмыслении морально-философского наследия Арендт,

реконструкции ее ключевых этических идей и анализе их значения для обогащения современной морально-философской теории.

Степень разработанности проблемы. При неизменном интересе к творчеству Арндт и особенно к введенному ею в научный и публицистический обиход понятию «банальность зла», в отечественной литературе, как уже отмечено выше, не было до недавнего времени ни одного специального исследования, осуществляющего его подробную реконструкцию с последующим анализом. В последние годы ситуация стала заметно меняться: появились работы, в которых понятие «банальность зла» рассматривается при исследовании других тем в творчестве Арндт. Так, например, Н. В. Мотрошилова¹ обращается к этой проблеме в связи с рассмотрением основных идей в творчестве Арндт, в работе не только дается краткую характеристику сути банального зла, но и проблематизируется ее актуальность. Кроме того, русскоязычные издания работ Арндт сопровождаются предисловием Д. Аронсона², в котором понятие «банальность зла» хоть и не разбирается отдельно, тем не менее, рассматривается способность суждения, которая является важной частью этики Арндт и во многом формирует смысловое содержание этого понятия. В послесловиях М. Б. Ямпольского³ и А. Ф. Филиппова⁴, также понятие «банальность зла» либо не рассматривается, либо если и упоминается то в контексте исследования особенностей понимания Арндт мышления, способности суждения и насилия. Существуют также несколько статей, посвященных исследованию моральной проблематики Арндт: А. В. Прокофьева⁵, Е. Г. Трубиной⁶, О. В. Шудры⁷ и несколько других. Кроме того,

---

¹ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арндт: бытие-время-любовь. М.: Гаудемаус, 2013. С. 234–239.

² Аронсон Д. Предисловие // Арндт Х. Ответственность и суждение. М.:Изд. Института Гайдара, 2013. С. 7–24.

³ Ямпольский М. От бытия к инструментальности // Арндт Х. О Насилии. М.: Новое издательство, 2014. С. 116–145.

⁴ Филиппов А.Ф. Послесловие // Арндт Х. Жизнь ума. М.: Наука, 2013. С. 492–516.

⁵ Прокофьев А. В. Подвижная ткань межчеловеческих связей (дисциплинарный и перфекционистский элементы морали через призму политической философии Х. Арндт) // Этическая мысль. 2004. № 5.

⁶ Трубина Е. Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арндт // Вопросы философии. 1998. №11.

написаны и защищены диссертации, исследующие разные аспекты творчества Арндт: «Проблема соотношения морали и политики в философии Ханны Арндт» Ю. О. Маликовой, «Понимание и политика: теория тоталитаризма Ханны Арндт в контексте ее философско-герменевтической программы» А. В. Глинского и «Революция или диктатура: Ханна Арндт и Карл Шмитт о сущности политического» Р. В. Гуляева. Однако рассмотрение понятия «банальность зла» также не является их непосредственной задачей и упоминается только в контексте исследования другой темы. Все упомянутые работы и статьи наших соотечественников способствовали повышению интереса в отечественном философском сообществе как к творчеству Арндт в целом, так к понятию «банальность зла» в частности. Тем не менее философское наследие Арндт, и особенно ее этическая проблематика требуют большего исследовательского внимания и специализированных работ по этой теме. И, конечно, понятие «банальность зла» необходимо рассмотреть отдельно, в качестве самостоятельной проблемы, а не в контексте других более широких этических проблем.

В зарубежной литературе рассмотрению моральной проблематики зла и понятию «банальность зла» в творчестве Арндт посвящены работы таких известных исследователей как Р. Бернштейн⁸, Б. Берген⁹, Р. Ламбой¹⁰, С. Бенхабиб¹¹, Л. Свендсен¹². Каждый из исследователей дает свою интерпретацию банального зла. Важную роль сыграла позиция крупного исследователя творчества Арндт Бернштейна, который считал, что она создала целостную и единую концепцию зла. С его точки зрения, на разных этапах творчества эта концепция первоначально была представлена радикальным злом, позже получила свое развитие в банальном зле. Таким

---

⁷ Шудра О. В. Ханна Арндт: суждение об ответственности // Московский журнал международного права. 1995. № 3.

⁸ Bernstein R. Hannah Arendt and the Jewish Question. Cambridge: The MIT Press, 1996.

⁹ Bergen B. The Banality of Evil: Hannah Arendt and «The Final Solution». NY: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1998.

¹⁰ Lamboy R. The Real Banality of Evil. Saarbrücken: LAP Lambert Acad. Publ., 2010.

¹¹ Benhabib S. The reluctant modernism of Hannah Arendt. NY: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2003.

¹² Свенсен Л. Философия зла. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

образом, Бернштейн объединил эти две характеристики зла в одну общую концепцию зла. Кроме того, он отметил близость понимания мышления у Арендт и М. Хайдеггера. Для них обоих мышление является особым состоянием, которое они противопоставляют научному знанию. Несмотря на авторитетность позиции Берштейна, некоторые исследователи высказывают отличную точку зрения. Например, Л. Свендсен выступает за то, что банальное зло не связано с ее более ранними исследованиями радикального зла. Кроме того, с его точки зрения, радикальное зло в понимании Арендт и Канта различаются между собой: для Канта суть этого феномена в природе человека, а для Арендт в изживании всего человеческого в человеке. Еще один крупный специалист, рассматривающий моральную философию Арендт, Р. Ламбой в известной работе «Действительность банальности зла: Исследование темы мышления в работах Ханны Арендт» ставит вопрос о роли мышления в совершении банального зла. Вслед за Арендт она последовательно анализирует три составляющих ума: мышление, воление, суждение и рассматривает возможности не допустить совершение банального зла. Кроме отдельных работ, посвященных творчеству Арендт, в зарубежной философии есть еще важные сборники статей. Одним из наиболее значительных является сборник «Товарищи Ханны Арендт по Кембриджу», в которой понятие «банальность зла» анализируется почти всеми известными исследователями ее творчества. Важно отметить, что многообразие исследований, посвященных понятию «банальность зла» в западной литературе, не дает ответы на все существующие вопросы и оставляет пространство для дальнейшей рефлексии и философского анализа.

Цели и задачи диссертационного исследования. Целью диссертационного исследования являются реконструкция и анализ понятия «банальность зла» и его последующее критическое переосмысление в соотнесении с соответствующим материалом художественной литературы и исторических исследований.

В соответствии с данной целью целями в диссертации решаются следующие задачи:

– Рассмотрение смыслового контекста, в котором появляется понятие «банальность зла».

– Реконструкция и анализ феномена радикального зла в концепции зла Арендт, выявление специфики ее понимания.

– Сравнение понимания радикального зла в этике Арендт и Канта.

– Прояснение связи радикального и банального зла.

– Описание особого типа злодея – «банального злодея» и аналитическое сопоставление его с классическим типом злодея.

– Критическое рассмотрение «сократовской морали» и «способности суждения» (по Канту), избранных Арендт в качестве возможных ограничителей банального зла.

– Анализ роли мышления в феномене банального зла и его связь с типом банального злодея.

– Анализ феномена морального идеализма как одной из возможных существовавших предпосылок для совершения банального зла.

– Разграничение банальности и нормальности как личностных качеств человека, относящегося к типу банального злодея.

Методологическая основа диссертации. Методология исследования была определена целью и задачами исследования. В основе методологии диссертации лежит, с одной стороны, историко-философский анализ, позволивший в первой главе провести исследование контекста и реконструкцию понятия «банальность зла», а с другой – сопоставительный анализ во второй главе, где реконструированное понятие «банальность зла» верифицируется на материале художественной литературы и исторических исследований.

В первой главе кроме историко-философского анализа, который опирается на материалы отечественной и зарубежной литературы, реконструкция понятия «банальность зла» проводилась также с помощью

рассмотрения нового типа банального злодея. Обращение к данному типу банального злодея стало важным смысловым шагом для последующей реконструкции понятия «банальность зла». Выбор такой методологии был во многом обусловлен тем, что Арндт только в ходе работы над книгой «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» приходит к идее банальности зла, которая терминологически была закреплена лишь в заключении книги. Это понятие не было аналитически разработано и возникло скорее ситуативно, зато Арндт подробно описывает черты человека, способного совершить радикальное зло. Несмотря на то, что сама Арндт говорит о банальном зле, а не о банальном злодее данное понятие возможно использовать, прежде всего, применительно к исполнителям зла, но никак не к злу самому по себе. Особенностью подхода Арндт является то, что качества личности нацистских злодеев, которые ей показались банальными, она переносит на их деяния. Эту подмену можно считать причиной большого количества критики, которой подверглось понятие «банальность зла». Таким образом, введение типа банального злодея, которое впервые вводится в данном исследовании, было обусловлено самой структурой работы «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме».

Сопоставительный анализ позиции Арндт, романа Дж. Литтелла «Благовоительницы» и исторического исследования К. Браунинга «Совершенно обычные мужчины: резервный полицейский батальон 101 “окончательного решения” в Польше» во второй главе показал различные аспекты понятия «банальность зла». Сравнение различных точек зрения позволило рассмотреть теоретические основания понятия «банальность зла» более детально.

Научная новизна диссертационной работы:

– Впервые в отечественной литературе была предпринята попытка не только проведения целостной реконструкции понятия «банальность зла» и его смыслового контекста, но и рассмотрение того, насколько разные

аспекты данного феномена выдерживают проверку художественным и историческим материалом.

– Исследованы и интерпретированы теоретические основания понятия «банальность зла».

– Выявлен и описан новый тип злодея – «банальный злодей».

– Проанализированы основные черты типа банального злодея и проведено его сопоставление с типом классического злодея, показана разница в понимании сути зла у этих двух типов.

– В ходе рассмотрения понятия «банальность зла» была исследована и показана роль мышления как феномена, нейтрального в отношении морали, что вступает в противоречие с концепцией Арендт и, таким образом, поднимает проблему мышления как важную самостоятельную тему в рамках ее этики.

– Рассмотрен характер идеализма «банального злодея».

– Поставлен вопрос о «благих намерениях», которыми руководствовался банальный злодей в своих действиях.

– Проведено разграничение и показана разница оснований между такими личностными качествами злодея, как банальность и нормальность.

Положения, выносимые на защиту:

– Радикальное зло в концепции Арендт выступает смысловым контекстом для формулирования понятия «банальность зла».

– Если для Канта радикальное зло было обусловлено отношением одного человека к другому исключительно как к средству, то для Арендт радикальное зло в первую очередь – характеристика тоталитарного государства, его отношения к человеку как к чему-то в принципе ненужному, и даже не имеющему права на существование.

– Главными особенностями нового типа банального злодея, отличающими его от типа классического злодея, становятся: отсутствие критического мышления, в частности, критики своих собственных поступков, эмпатии, неспособность посмотреть на любую ситуацию глазами

другого, а также почувствовать и признать свою вину. Кроме того, важным качеством нового типа злодея является забывчивость, позволяющая не вспоминать совершенные преступления, а также показывающая степень безответственности за совершенные преступления. Банальный злодей отличается от классического в первую очередь тем, что воспринимает свои действия, которые порождают зло, как выражение существующего порядка, им поддерживаемого и охраняемого.

– Два ограничения, которые Арендт предлагает для совершения банального зла (принцип Сократа, в соответствии с которым лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать, и способность суждения Канта, которая связана с возможностью человека испытывать общее чувство), соединяются в тех представлениях, через которые человек оценивает, с одной стороны, значимость себя, своей жизни, а с другой – определенные социальные роли внутри общества. Таким образом, в качестве альтернативы банальности зла Арендт предлагает жизнь в диалоге с собой и с другими.

– Мышление, даже в том особенном значении, которое вкладывала в него Арендт, не имеет никакой ценностной определенности, само по себе оно может порождать как моральным, так и аморальным поступкам. При анализе позиции Арендт в отношении способности мышления, прежде всего, на материале романа Литтелла было показано, что оно морально нейтрально и само по себе не способно играть роль ограничения в совершении как банального зла, так и иного вида зла, в том числе и радикального.

– Идеализм может вести к злодеяниям, как, например, это было в случае нацистских преступников; основанием такого идеализма может быть как недомыслие и даже «благое намерение», так и, напротив, особого рода рефлексия.

– Идеализм банального злодея и его «благие намерения» скорее основаны на том, что в своих поступках он исключает принцип всеобщности, что делает следование любому моральному принципу, прежде всего,

кантовскому категорическому императиву, невозможным и приводит к несоизмеримому по своим масштабам злу.

– Злодей, по всем характеристикам подходящий под описание типа банального злодея, не обязательно обладает таким индивидуальным качеством как банальность. Сопоставление позиции Арендт с позицией Браунинга позволяет сделать вывод, что за банальность злодея можно ошибочно принять страх непонимания со стороны других и внутреннюю неспособность идти против большинства, основанные на соотнесении собственных представлений о нормальности с общепринятыми. Нормальность и банальность могут приводить к одинаковым результатам, но при этом эти два качества исходят из разных оснований и имеют разную природу.

Теоретическая и практическая значимость работы. Выводы, сделанные в диссертации, позволяют расширить смысловой контекст не только понятия «банальность зла», но и в целом моральной философии Арендт. Анализ этических проблем в ее работах, в частности проблемы «банальности зла», может быть использован в научных исследованиях и в образовании – при преподавании этики, политической философии и истории философии.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры этики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты исследования были опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК. Отдельные положения и выводы диссертации нашли свое отражение в докладах автора на конференциях.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, двух глав «Ключевые характеристики понятия “банальность зла”», «Исследование и «проверка» понятия «банальность зла», Заключения и библиографии. **Объем диссертации - 125 стр.** Библиография насчитывает 103 наименования.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, определяется предмет исследования, раскрывается степень научной разработанности темы, формулируются цели и задачи диссертации, описываются методология, источники и структура исследования, раскрываются научная новизна и теоретическая значимость работы, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Ключевые характеристики понятия “банальность зла”**», прежде всего, реконструируется смысловой контекст, который подготовил основания для формирования понятие «банальность зла». Основной акцент для этого делается на работах Арендт 1950-х годов, в которых она, анализируя природу тоталитарного государства, по-новому поставила вопрос о феномене радикального зла. Именно в этот период в творчестве Арендт начинает складываться моральная проблематика. Кроме того, основной задачей первой главы является целостный анализ понятия «банальность зла». Он проводится отчасти на основе работы «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме», но в большей степени с обращением к поздним работам Арендт, где она уже аналитически разбирает понятие «банальность зла».

В первом параграфе, «*Радикальное зло*», рассматривается радикальное зло в работах Арендт и в предшествующей философской традиции, прежде всего, у Канта. Радикальное зло было проанализировано отдельно и достаточно подробно, потому, что оно стало контекстом для последующего формирования понятия «банальность зла», о котором речь пойдет во втором параграфе. В первом параграфе сравниваются взгляды Арендт и Канта на радикальное зло. Если для Канта разрушение всех максим, которое является сутью радикального зла, было обусловлено отношением одного человека к другому исключительно как к средству, то Арендт рассматривает ситуацию, в которой радикальное зло проявляется в отношении тоталитарного

государства к человеку не то что как к средству, но как к тому, что не имеет право на существование. В этом заключается важное смысловое несовпадение между трактовкой радикального зла Кантом и Арендт, хотя оба настаивают на разумной природе человека, которая способна оградить от совершения радикального зла. Радикальное зло в интерпретации Арендт сравнивается со «структурным насилием» Галтунга, между ними выявляется ряд общих качеств: оба феномена действуют опосредованно, через социальные и политические институты, случайны по своему возникновению, однако при этом в дальнейшем поэтапно и продумано реализовываются. Для Арендт важно рассмотрение радикального зла не как абстрактного понятия, а как особой формы существования зла, которая наглядно проявилось в тоталитарном государстве. Радикальное зло для нее, в отличие от Канта, становится чем-то бóльшим, чем феномен человеческой природы. Также рассматриваются разные точки зрения на связь между радикальным и банальным злом. В качестве двух противоположных позиций по этому вопросу приводятся взгляды Бернштейна и Свендсена.

Во втором параграфе, «*Тип банального злодея*», выявляются и подробно описываются основные характеристики нового типа злодея – банального. Без рассмотрения качеств этого типа злодея, которого правильно назвать именно банальным, невозможно действительное понимание понятия «банальность зла» и его целостная реконструкция. Банальность у Арендт это не характеристика зла самого по себе, а только его исполнителей. Понимая эту особенность банального зла, важно исследование банального типа злодея и выделение его в качестве отдельной темы для рассмотрения. К основным качествам банального злодея в параграфе относятся заурядность, забывчивость, неспособность к самостоятельному и критическому мышлению. Для лучшего понимания особенностей банального типа злодея проведено сопоставление с классическим типом, к которому можно отнести, например, героев маркиза де Сада или Достоевского. Наиболее существенное различие между этими типами злодеев состоит в том, что совершаемое зло

для банального злодея не является осознанным и предумышленным, напротив, совершающий такое зло, обычно считает себя порядочным и достойным человеком. К основным характеристикам типа банального злодея можно отнести и полное отсутствие эмпатии, то есть неспособность взглянуть на какую-либо проблему глазами другого, и отсутствие критического мышления и рефлексии относительно своих поступков. Для банального злодея существенно то, что любой закон, государственный или моральный, он воспринимает исключительно как внешний, не понимая его сути. Кроме того, для более глубокого исследования этого типа злодея проводится его сравнение с типом банального злодея, описанного в произведениях Гоголя. Таким образом, рассмотрение основных характеристик типа банального злодея – это важный шаг в реконструкции и понимании того, какое содержание именно Арендт, а не ее комментаторы и исследователи, вкладывала в понятие «банальность зла».

В третьем параграфе первой главы, *«Ограничения банального зла»*, рассматривается еще один, важный для понимания и реконструкции понятия «банальность зла», аспект – возможные ограничения, при которых человек не превратится в банального злодея даже в самых неблагоприятных обстоятельствах. В качестве таких ограничений Арендт предложила принцип Сократа и кантовскую способность суждения, которые анализируются уже в ее поздних работах. В соответствии с принципом Сократа, предполагается, что мыслящему человеку лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать. Этот принцип строится на раздвоении человека во внутреннем диалоге. Развивая правило Сократа, Арендт во многом отвечает на вопрос, как не допустить совершения банального зла в то время, когда общепринятые нормы и ценности перестают работать. Кроме правила Сократа, с точки зрения Арендт, в качестве ограничения банального зла рассматривается способность суждения, описанная Кантом в работе *«Критика способности суждения»*. В основе способности суждения лежит так называемое общее чувство (*sensus communis*). Именно благодаря общему чувству люди

способны общаться друг с другом, образовывать различные сообщества, согласовывая свои действия с действиями других, выбирать подходящий пример для подражания. Важно, что в поисках ограничения банального зла, Арндт целенаправленно обращается не к этическому, а именно к эстетическому учению Канта, считая возможным использовать идею о способности суждения применительно к решению моральной проблематики.

Для объединения двух оснований – сократовской морали и способности суждения Канта – было использовано понятие «действительного самовосприятия», введенное К. Корсгаард. В основании этого понятия лежит мысль, которую Арндт также использует через сократовскую мораль о том, что личность всегда ориентирована на идеальные представления о самой себе. При рассмотрении морального принципа Сократа, «лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать», Арндт апеллирует именно к идеальному представлению человека о себе – без этого представления внутренний диалог был бы невозможен. Кроме того, основание, объединяющее позиции Арндт и Корсгаард, касается непрерывности в процессе обнаружения человеком своего действительного самовосприятия. Стремление индивида к познанию самого себя дает лучшее понимание своей личности, и соответственно, возможность совершить тот, либо иной поступок. Однако без обнаружения каждым человеком себя всегда внутри определенного общества было бы невозможно существование морали. Прежде всего, человек обнаруживает себя в обществе самого себя в процессе внутреннего диалога. Для Арндт важно, чтобы человек на основании общего чувства мог, применяя способность суждения, быть частью определенного сообщества. При этом и Арндт, и Корсгаард настаивают на том, что в кризисных ситуациях человек в совершаемых действиях должен соотносить идеальные представления о самом себе с теми социальными ролями, которые он принимает. Таким образом, через соотнесение ограничений банального зла, предложенных Арндт, с идеей

действительного самовосприятия, введенного Корсгаард, подчеркивается двойственная природа этих ограничений.

Проведенная в первой главе целостная и разноаспектная реконструкция понятия «банальность зла» позволяет во второй главе, **«Исследование и «проверка» понятия «банальность зла»**, сделать следующий шаг: попытаться проанализировать понятие «банальность зла» с помощью его деконструкции и соотнесения отдельных смысловых частей этого понятия с определенным литературным и историческим материалом. В качестве литературного и исторического материала были выбраны роман Дж. Литтелла «Благовоительницы» и историческое исследование К. Браунинга «Совершенно обычные мужчины: резервный полицейский батальон 101 “окончательного решения” в Польше». Первый, самый важный аспект понятия «банальность зла», который рассматривается отдельно, касается такой способности банального злодея как мышление, затем исследуются причины и особенности идеализма и нормальности этого типа злодея и влияние этих составляющих на появление банального зла.

Влиянию способности мышления на совершение банального зла посвящен первый параграф второй главы *«Проблема мышления»*. В данном параграфе рассматривается, прежде всего, смысл, который сама Арендт вкладывала в эту способность. Для нее мышление, в отличие от созерцания, - это активный процесс, который всегда позволяет прийти к определенному результату, например, к созданию литературного произведения или, что крайне важно, к принятию правильного морального решения. При этом мышление не может постулировать какие-то нормы как моральные или неморальные, но оно может ограничить человека в совершении зла. Мышление в интерпретации Арендт направлено более на поиск знания и понимания, чем на поиск абсолютной истины, оно никогда не сможет прийти к раз и навсегда данным моральным принципам, потому что всегда будет стремиться проверять их заново. Она выступала против сведения этой способности к набору научных знаний и навыков. Иными словами,

мышление – это нравственно наполненное, нравственно ответственное состояние, которое способно выявлять моральную подлинность поступка. Мышление для нее становится более надежным моральным регулятором человеческого поведения, чем совесть, потому что в отличие от совести оно всегда свободно от любого внешнего давления или внутренних правил. Здесь есть внутреннее противоречие: с одной стороны, Арендт настаивает на совершенной свободе мышления, а с другой – говорит о его моральных функциях.

В сравнении позиции Арендт и Литтелла, автора романа «Благовоительницы», выявляется совсем иной взгляд на способность мышления. В романе банальному типу злодея противопоставляется иной, классический тип злодея, который кроме того показан как рефлексивный и мыслящий интеллигент. Главный герой романа офицер СС Максимилиан Ауэ изображается Литтеллом как человек, который вполне понимает и критично относится ко всему, что с ним происходит, в том числе и к своему участию в массовых убийствах. Для проводимого анализа было важно, что автор романа «Благовоительницы» выстраивает развернутую антропологию нацистского преступника, куда более подробную, чем описание Эйхмана в работе «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» Арендт. Главный герой романа в противоположность типу банального злодея критичен и рефлексивен в каждом своем действии, его возмущает любое отсутствие прагматизма в принятии и исполнении нацистских законов, а люди, подобные Эйхману, вызывают скорее раздражение и чувство брезгливости. Он помнит каждую деталь совершенных преступлений, но при этом он не раскаивается и не сожалеет о совершенных преступлениях. Литтелл с помощью не только своего главного героя, но также и фигуры Эйхмана, который тоже присутствует среди персонажей романа, старается доказать, что банальные злодеи не бездумно подчинялись законам гитлеровской Германии, но их приверженность нацистской идеологии была во многом добровольным выбором. Эту позицию подтверждают некоторые факты из

жизни Эйхмана, например, магнитофонная запись его общения с друзьями или протоколы допросов. Литтелл не соглашается с версией о бездумных исполнителях, не имеющих собственной точки зрения, но показывает, что само мышление может иметь природу не только созидательную, как это представляет Арндт, но и разрушительную. Если Арндт через определенного рода трансформации, продолжает идею Канта о том, что человек может быть морален только с помощью мышления и своей разумной природы, то Литтелл вслед за маркизом де Садом изображает другую разрушительную сторону мышления, которая, по сути, и приводит человека к участию в совершении зла.

Поставив именно мышление, а не совесть в качестве главной способности человека, ограничивающей совершение зла, Арндт, как ей казалось, решила проблему морального выбора в кризисной ситуации. В такой трактовке мышление приобретает морализирующую коннотацию, однако обращение к работам Литтелла, а также Хоркхаймера и Адорно позволяет усомниться в ее позиции, и показывает возможность другого взгляда на эту способность в целом.

Во втором параграфе второй главы *«Идеализм и банальность»* рассматривается вопрос об идеализме и вере банального злодея в свои поступки. Для этого вновь сравнивается позиция Арндт, которая отказывалась видеть в Эйхмане и подобных ему чиновниках идеалистов, и Литтелла, который, напротив, предлагает считать главного героя и других нацистских преступников идеалистами, которые верили в правильность того, что они делали. Сравнение взглядов Литтелла и Арндт на причины возникновения нацистского зла позволяет под другим углом посмотреть на истоки формирования и суть понятия «банальность зла». Если для Литтелла причиной нацистского зла, которое он не считал банальным, становится во многом идеализм нацистских преступников, то для Арндт в принципе не было такой проблемы, потому что она отказывалась видеть в Эйхмане и других банальных злодеях идеалистов, хотя многие из них, в том числе и он

сам, именно так себя и называл. Нежелание Арендт признать в Эйхмане идеалиста согласуется в целом с ее концепцией типа банального злодея. Таким образом, она отвергала саму возможность того, что Эйхман, будучи идеалистом, действительно мог слепо верить и не подвергать рефлексии идеи гитлеровской Германии.

Через сопоставление позиций Литтелла и Арендт, раскрывается разность их интерпретации восприятия самого Эйхмана как категорического императива на суде. В работе «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» Арендт приводит фрагмент речи Эйхмана на суде, в котором он предлагает свою формулировку категорического императива. Суть его сводится к тому, что все поступки могут считаться моральными лишь тогда, когда соотносятся с волей фюрера. Эта же формулировка категорического императива практически совпадает по смыслу с тем, которое произносит Ауэ, главный герой романа Литтелла. Но очень важно, что Арендт и Литтелл комментируют по-разному ее смысл: если Арендт в следовании такой трактовке категорического императива видит неспособность критически мыслить, то для Литтелла она свидетельствует о заблуждениях, которым многие нацистские преступники, в том числе и сам Эйхман, предавались сознательно, безоговорочно веря в идею национал-социализма. Кроме того, в рамках этого вопроса рассматривается вопрос о фанатичном характере идеализма банального злодея. Вслед за Конценом было проведено различие идеализма и фанатизма, если в основании идеализма лежит увлеченность идеей, то в фанатизме – иррациональная ненависть.

Вопрос об идеализме банального злодея подразумевает «благие намерения», на которые они ссылались в свое оправдание и которыми могли руководствоваться. Причиной, по которой эти намерения привели к такому масштабному злу, было то, что в их основании находилась идея, исключаящая принцип всеобщности, что сделало следование любому моральному принципу, в том числе, кантовскому категорическому императиву, невозможным. Именно отсутствие стремления к благу другого

человека не позволяло Эйхману усомниться в идеологической целостности. Идеология, в которую так верил Эйхман, в принципе не предполагала взгляда на всю ситуацию глазами другого, поскольку на место моральных норм встала идея. Невозможность прогнозировать результат своих действий в условиях тоталитарного государства и отказ от принципа всеобщности в совершаемых поступках стали для многих нацистских злодеев, в том числе и для Эйхмана, той самой причиной, которая привела их к массовым убийствам.

Третий параграф второй главы, *«Нормальность и банальность типа банального злодея»*, посвящен разграничению таких личных качеств этого типа злодея как нормальность и банальность. Материалом для такого разграничения послужило историческое исследование «Совершенно обычные мужчины: резервный полицейский батальон 101 “окончательного решения” в Польше» Браунинга, в котором он рассматривает мотивы участия в массовых преступлениях рядовых 101-го резервного полицейского батальона. И в романе Литтелла, и в исследованиях Браунинга подтверждается тезис Арендт, что нацистские преступники были совершенно нормальными людьми. Такое качество как нормальность банального злодея никогда не рассматривалось Арендт отдельно, а нормальность Эйхмана в какой-то момент становится синонимом или точнее неотъемлемой частью его характеристики как банальной личности. Однако нормальность нового типа злодея важна и сама по себе, и как составляющая морального поведения человека. Тем не менее, очевидно, что при определенной связи между этими качествами существуют принципиальные различия, хотя нормальность в контексте понятия банальности зла выступает своеобразным синонимом банальности. Браунинг рассматривает в своем исследовании именно вопрос нормальности, а не банальности нацистских преступников. Нормальность рядовых 101-ого резервного батальона внушила им боязнь выделиться среди товарищей, а из этого страха развился конформизм, который и стал главной причиной совершенного ими зла. Если для Браунинга следование нормам и

законам общества связано, прежде всего, с внутренним страхом, то Литтелл в романе «Благовоительницы» показывает ситуацию, в которой следование нормам и законам государства могло происходить вполне осмысленно.

Сама нормальность в условиях гитлеровской Германии стала совершенно ненормальной. Фромм, исследуя проблему патологии нормальности, показывает, как общество с принятыми в нем представлениями об определенных социальных и правовых нормах начинает превалировать в сознании человека. Арндт не раз отмечала законопослушность и последовательность Эйхмана, которая, с ее точки зрения, во многом определяла суть всей его личности. Главная черта личности Эйхмана, превратившая его в одного из главных нацистских преступников, заключалась в том, что он беззаветно следовал законам гитлеровской Германии. Именно конформизм, с точки зрения Браунинга, стал одной из причин, не позволившей рядовым 101-го резервного полицейского батальона отказаться от выполнения приказов. Если конформизм порожден банальностью злодеев и их недомыслием, то нормальность будет порождением страха непонимания и одиночества, и также ответственностью перед другими людьми. Иными словами, нормальность и банальность человека могут приводить к одинаковым результатам, но, тем не менее, они не тождественны друг другу. Таким образом, в данном параграфе показывается, что если следовать логике Браунинга то банальный злодей в моменты совершения преступления действует не столько бездумно, сколько под влиянием страха выделиться и быть непохожим на остальных, а также в какой-то мере из-за вседозволенности и царившего вокруг безграничного произвола.

В **Заключении** подводятся основные итоги диссертации, дается краткое резюме каждого параграфа. Выявляется целостная картина специфики реконструкции и рассмотрения отдельных аспектов понятия «банальность зла».

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для обнародования результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. *Московская А.С.* Связь между банальным и радикальным злом в этике Ханны Арендт // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 39–44.

2. *Московская А.С.* Реконструкция типа банального злодея // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 31-34.

3. *Московская А.С.* Понятие «банальность зла» в контексте проблемы мышления в политической философии Ханны Арендт // Инновации и инвестиции. 2015. № 1. С. 194–198.